

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателей русского перевода	9
С. С. Хоружий. В. Н. Лосский и его исследование о Майстере Экхарте	12
От издателя французского издания	18
Предисловие к французскому изданию	20

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Nomen innominabile 25

1. Поиск Неизреченного	25
2. Источник <i>nomen innominabile</i>	31
3. Безымянность и многоименность	33
4. <i>Esse innominabile</i>	38
5. Экхарт и св. Фома	43
6. Два глубинных присутствия	46
7. Вино Каны	52
8. Мистик или диалектик?	59
9. Неведение Бога и самого себя	61

ГЛАВА ВТОРАЯ

Nomen omninominabile 79

1. <i>Nomen super omne nomen</i>	79
2. <i>Collatio esse</i>	82

3. Воды над твердью и воды под твердью	86
4. Слово бессловесное	89
5. <i>Semel locutus est Deus, duo haec audivi</i>	96
6. Единый — «имя превыше всякого имени»	99
7. Первое определение Бытия	105
8. <i>Puritas et plenitudo essendi</i>	109
9. <i>Unum et Omnia</i>	114
10. <i>Oppositio nihil mediatione entis</i>	117
11. Единство вселенной	122
12. Путь объединяющего превосходения	130

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ego sum qui sum 199

1. Откровение единственного Бытия	199
2. <i>Quidditas et anitas</i>	201
3. Божественная самодостаточность и тварная немощь	207
4. <i>Reduplicatio</i>	214
5. «Я жив, потому что я жив»	219
6. Предмет метафизики	225
7. Познание чтойностей	233
8. Чтойность и « <i>esse secundum</i> »	244
9. Уровень субстанциальности	249
10. <i>Essentia et Esse</i>	253
11. Два уровня эссенциальности	268
12. <i>Intelligere et esse</i>	276

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Regio dissimilitu-dinis infinitae	367
1. Тварное неподобие, ум и благодать	367
2. Благодать, слава и божественное неподобие	376
3. Ascensio intellectus	386
4. Апофаза противопоставления	392
5. Противопоставление между «intelligere» и «esse»	404
6. Ens cognitivum и ens reale	420
7. Умопостигаемые species и причины-образцы	428
8. Семенные логосы и божественное Слово	435
9. Интеллектуальный «нигилизм» и «нетварность» умного постижения	445

ГЛАВА ПЯТАЯ

Splendor in medio	525
1. От уподобления к единству	525
2. Противопоставление и не-противопоставление	530
3. Indistinctio-distinctio	539
4. Dissimilitudo-similitudo	546
5. Rota in medio rotae	559
6. Аналогическая причинность	575
7. Бог как esse omnium и принцип аналогии	590
8. Аналогическая предикация и учение о бытии	603
9. Аналогия атрибуции	610
10. «Qui edunt me, adhuc esurient»	620
11. A Deo et in Deo	633

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Imago in speculo	707
1. Божественность как форма и божественное 'Quo est'	707
2. Формальная причинность и божественная экземплярная причинность	716
3. Бытие, Жизнь, ум	724
4. Богословие Образа и обоживающие трансформации	734
5. Аналогия в «преображении в тот же Образ»	748
 Алфавитный указатель	 793

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ РУССКОГО ПЕРЕВОДА

Книга Владимира Николаевича Лосского, которую держит в руках читатель, — удивительное явление в русской и французской духовной культуре XX в. Прославленный русский богослов и религиозный философ принял в уже не юном возрасте за написание диссертации — под научным руководством Этьена Жильсона — о средневековом западном мистике Майстере Экхарте. Три гения встретились и объединились вокруг медленно растущего текста.

О глубинной интенции труда В. Н. Лосского и контексте его создания очень хорошо сказал М. Ю. Реутин — один из немногих знатоков творчества Экхарта в нашей стране: «Уникальность положения В. Н. Лосского в контексте французской культуры первых десятилетий XX в. состояла в том, что он не только вошел в число ближайших последователей Э. Жильсона, став автором ведущего периодического издания неотолизма “Archives d’Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Age”, но и остался верен возраставшей его, прежде всего в лице Л. П. Карсавина, русской религиозной философии. В этой двоякой принадлежности В. Н. Лосского укоренен его проект “неопатристического синтеза”, впоследствии реализованный прот. Г. Флоровским. Приступая к написанию докторской диссертации на классическую для неотолизма тему — в эти годы об Экхарте писали М. Грабман, Й. Квинт, Й. Кох и др., — В. Н. Лосский применил методологические разработки “парижской школы” русских философов-эмигрантов, связанных с богословием

“энергий” Гр. Паламы, что сразу вывело его исследование за пределы ряда работ на аналогичную тему. Право применить такие разработки дало глубокое сходство, принципиальный изоморфизм рейнской мистики и афонского исихазма первой половины XIV в., занятых (кроме во многом похожих психосоматических практик) построением эманационных доктрин на началах диалектики и, по существу, представлявших собой западно- и восточноевропейскую ветви христианского неоплатонизма Средних веков. При написании “Отрицательное богословие у Майстера Экхарта” и знаменитой гл. 5 ч. II “Жизни и трудов святителя Григория Паламы” В. Н. Лосский и прот. И. Мейендорф черпали из единого фонда понятий, концепций, идей, совместно разработанных, в процессе интеллектуального обмена, представителями “парижского» богословия”.

Владимир Лосский не успел завершить и защитить свою диссертацию. Она была подготовлена к изданию и увидела свет уже после его смерти. С 1960 г. труд русского богослова живет во французской культуре^{**}. Путь к русскому читателю оказался гораздо более долгим и непростым. Перевод первых двух глав был обнаружен в архиве периодического издания «Богословские труды» без указания имени переводчика. Можно предполагать, что автором этого перевода, как и переводов всех главных сочинений В. Н. Лосского, была В. А. Решикова, но точных подтверждений этому нет. Редакция «Богословских трудов» подготовила найденный текст к печати и опубликовала его в сопровождении двух предисловий из французского из-

* Реутин М. Ю. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук на тему: «Религиозная философия Майстера Экхарта». М., 2011. С. 5–6.

** *Lossky V. Théologie négative et connaissance de Dieu chez Maître Eckhart.* Paris, Vrin. 1960.

дания*. Следующие главы книги переводились Г. В. Вдовиной уже специально для «Богословских трудов» и публиковались в течение нескольких лет**. В общей сложности фрагменты труда В. Н. Лосского последовательно публиковались в течение десяти лет, с 2003 по 2013 гг. Но в полном виде книга В. Н. Лосского выходит на русском языке только сейчас. Для настоящего издания были заново переведены с французского оба предисловия и две первые главы, сверены и отредактированы переводы остальной части текста.

* *Лосский В. Н.* Отрицательное богословие и познание Бога в учении Майстера Экхарта // Богословские труды. 2003. № 38. С. 147–236.

** Богословские труды. № 39–45.

С. С. ХОРУЖИЙ*

В. Н. ЛОССКИЙ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ О МАЙСТЕРЕ ЭКХАРТЕ

В 2003 г. Русская Православная Церковь, а с нею и многие христиане Запада, все, кто изучает и ценит богатства православной духовности, отмечали столетие со дня рождения Владимира Николаевича Лосского (25 мая 1903 г. — 7 февраля 1958 г.), одного из виднейших православных богословов минувшего столетия. Вместе с епископом Василием (Кривошеиным) и прот. Георгием Флоровским Владимир Лосский принадлежит к той плеяде русских богословов XX в., чьи труды, сразу в ряде отношений, стали важным переходным этапом и посредствующим звеном в истории современной православной мысли. Прямыми предшественниками их были деятели Религиозно-философского возрождения в предреволюционной России — священник Павел Флоренский, протоиерей Сергей Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, Вяч. Иванов и др., бывшие, в свою очередь, наследниками и продолжателями религиозно-философского творчества Владимира Соловьева. Эти крупные, яркие мыслители, сегодня известные во всем мире, вернули русской мысли христианскую направленность и создали своими трудами ее небывалый прежде подъем, оставивший многие ценные плоды. Но в то же время, по своим понятиям и идеям, по языку и проблематике своего творчества, они были более связаны с традицией западной метафизики, чем с Преданием Церкви, и разве что в малой мере поверяли

* Статья С. С. Хоружего предваряла публикацию первого фрагмента книги В. Н. Лосского в «Богословских трудах» № 38.

свою мысль мерилom догматики и патристики, установками богословской традиции Православия. Следующее поколение христианских мыслителей России, которому уже выпала эмигрантская судьба, проявило большую ответственность и зрелость: не отрицая заслуг предшественников, оно вместе с тем не пошло за ними, поставив в центр задачу возврата в русло Предания, оценку современных проблем и опыта с церковных и патристических позиций — что требовало глубокого творческого понимания этих позиций (а также и критики именитых предшественников). Их нелегкий труд был успешен: подхваченный богословами других православных стран, он стал началом нового значительного этапа в развитии православной мысли. Вместе с тем, пребывая на Западе и входя в контакты с местной ученой средой, как и с более широкими кругами верующих, русские богословы выступали для них выразителями православного мирозерцания, свидетелями Православия в инославном обществе. И эту миссию свидетельства они также выполнили с честью.

Владимир Лосский был как нельзя лучше подготовлен к сложному поприщу нового осмысления православного наследия и свидетельства о нем миру. К кругам Религиозно-философского возрождения он был тесно причастен самим происхождением, как сын знаменитого философа Н. О. Лосского (1870–1960). Родившись в Петербурге и там закончив гимназию, он поступил на историко-философский факультет Петроградского университета. Наставником его здесь был Л. П. Карсавин (1882–1952), другой крупный философ и историк, плодотворно развивавший христианское учение о личности; и позднейшее богословие В. Лосского, с его заостренным вниманием к теме личности, несет осязуемое влияние идей Карсавина. В 1922 г. вместе с отцом (а также и Л. П. Карсавиным), в составе большой

группы философов, ученых и общественных деятелей, В. Лосский был выслан за пределы России и всю дальнейшую жизнь провел в изгнании, в Праге, а затем Париже. Свое образование он завершил в Сорбонне, получив ученую степень по истории западного Средневековья; и хотя его главные творческие усилия всегда посвящались православному богословию, история мысли Запада также оставалась областью его ученых трудов.

Первым крупным этапом творческой деятельности В. Лосского стало его участие в богословской дискуссии по поводу софиологического учения о. Сергия Булгакова. Сегодня эта дискуссия, развернувшаяся в Париже и других эмигрантских центрах после выхода в свет книги Булгакова «Агнец Божий» (1933), — хорошо известный, много обсуждавшийся исторический эпизод. Не входя в его существо, мы отметим лишь, что критический анализ софиологии, данный В. Лосским в книге «Спор о Софии» (1936), сжато и точно представил все ключевые возражения со стороны православной догматики против учения Булгакова. В центре этих возражений стояли концепции личности и благодатной свободы: Лосский показывал, что софиология (в отличие от учения отцов Церкви) преуменьшает их место и значение в богословии, подчиняя их началам природы и необходимости, превращая благодатную стихию Богообщения в детерминированный процесс. И можно сказать по праву, что вплоть до нашего времени «Спор о Софии» остается одним из самых глубоких критических разборов софиологии.

Еще большей, поистине непреходящей ценностью обладает следующий труд В. Лосского — монография «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» (1944). Это его

главный труд, снискавший ему всемирную известность и признанный классикой православного богословия наших дней. В общем плане, это — систематическое изложение основ православного вероучения, где раскрытие принципов тринитарного и христологического богословия служит далее фундаментом для изъяснения учения о Церкви и для обсуждения основных положений, трактующих о благодати и таинствах, о пути духовного совершенствования и восхождения. Но этот традиционный план воплощается с глубокой проникновенностью и большим мастерством акцентов, благодаря которому необычайно убедительно, ярко выступают характерные отличия и особенности Православия. В числе главных особенностей — неразрывная связь богословской мысли с духовным опытом, молитвенным и церковным, тесный союз православной патристики и аскетики. И как плоды этого союза, особое внимание у автора получают достижения православного богословия зрелого византийского периода, такие, как учение о Божественных энергиях и о благодатном обожении как духовном назначении человека.

Позиции православного учения, его определяющие черты оставались мерилем для В. Лосского и в его исследованиях западной духовной традиции. В этих исследованиях всегда присутствует сопоставительный план: не отходя от задачи глубокого изучения избранного явления или автора, Лосский одновременно имеет в поле зрения и соответствующую проблематику в Православии — и таким путем, через своеобразный диалог традиций, он достигает и большего уяснения истины Православия. В полной мере такой подход присущ и его главной работе на темы западной мысли, капитальному сочинению «Отрицательное богословие и познание Бога в учении

Майстера Экхарта». Он не успел завершить этого многолетнего труда, опубликованного уже после его кончины, в 1960 г. Как большинство его работ, книга написана по-французски; помимо того, предназначаясь в качестве диссертации во французском университете, она несет некоторые черты стиля и словаря, расходящиеся с принятыми в православной литературе (как, скажем, именование Фомы Аквината святым). При всем том, православные ориентиры мысли автора прослеживаются и здесь с несомненностью. Майстер Экхарт (1260–1328) — крупнейший представитель так называемой рейнской мистики XIV в., которая, в отличие от схоластики, господствовавшей тогда на Западе, стремилась к более углубленному онтологическому видению, продолжая древнюю линию апофатического богословия, — и в этом своем стремлении порой приближалась к позициям православной мысли. В Православии же XIV век был веком исихастского возрождения и паламитского богословия. Почва для сопоставления явлений богата, и В. Лосский намеревался осветить ее самым основательным образом. Как пишет епископ Василий (Кривошеин) о данной книге, «эту работу он [В. Лосский] считал лишь подготовкой к... сравнительному исследованию двух феноменов XIV века, часто совпадающих в своей духовной проблематике: немецкая мистика, кульминирующая у Майстера Экхарта, и афонский исихазм... Владимир Лосский намеревался показать, как часто Экхарт и его школа в своей мистической интуиции были близки основным темам паламизма, как они пытались освободиться от латинской средневековой схоластики и в то же время как филиоквизм, остававшийся их основной догматической установкой, мешал им понять и полностью разрешить эти богословские и духовные проблемы» Эти слова владыки Василия, описывая конкретные идеи автора, в то же время отчетливо

показывают и его общую установку: для В. Лосского «изучать Майстера Экхарта означало также служить Православию».

Предваряя эту публикацию труда В. Н. Лосского, уместно напомнить читателю, что вся история наследия этого замечательного мыслителя в России теснейше связана с «Богословскими трудами». После появления переводов нескольких статей на страницах «Журнала Московской Патриархии» в 1967–1970 гг. важнейшим рубежом в этой истории стал выход в 1972 г. тома 8-го «Богословских трудов», целиком посвященного творчеству В. Лосского. Здесь русскому читателю впервые стала доступна бóльшая часть его важнейших работ: полные тексты «Очерка мистического богословия Восточной Церкви» и «Догматического богословия», а также ряд основных разделов из книги «Боговидение». В последующие годы большинство первых публикаций работ В. Н. Лосского в русском переводе также появлялись на страницах «Богословских трудов».

ОТ ИЗДАТЕЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ

Владимир Лосский скончался буквально за работой, оставив незавершенным обширный труд, который он должен был представить в Сорбонне в качестве основной диссертации на соискание ученой степени доктора словесности. Никто не может сказать, не сделал ли бы автор важных добавлений к нему, если бы закончил главу, оставшуюся лежать на рабочем столе. Так или иначе, каковы бы ни были многолетние дружеские узы, связывавшие «докладчика» настоящей диссертации с «кандидатом», не могло быть и речи о том, чтобы тот позволил себе собственноручно присовокупить какое-либо «заключение» к тексту, для которого он уже собирался запрашивать у руководства университета традиционное «печатать разрешается». Роль издателя свелась к просмотру тщательно подготовленной рукописи, к добавлению нескольких ссылок* и к исправлению некоторых формальных погрешностей, что сделал бы и сам автор при перечитывании своего текста. Опираясь на вполне разборчивый черновик, г-н Клеман взял на себя труд переписать последние страницы, оставленные Лосским, и терпеливо составить несколько указателей, призванных облегчить работу будущих исследователей.

* Некоторые пространные цитаты на латыни, но главным образом на средневерхненемецком, временно перемежались в рукописи с французским текстом. По нашей просьбе и для облегчения чтения Лосский должен был дать их перевод. Мы позволили себе сделать это вместо него.

По своей безупречной скромности мадам Лосская не поддержала идею организовать посмертную защиту в зале Луи-Лиар. Смирненные наследники старой Сорбонны предпочли бы присудить докторскую степень живому человеку — философу и теологу восточной традиции, который в то же время столь глубоко разбирался в образе мыслей тюрингского монаха (тот и сам пришел в «страну латинян» более шести с половиной столетий назад, чтобы после долгих «обсуждений» принять в ней шапочку *магистра*). Им не дано было испытать этой радости, но они, по крайней мере, знают, что официальное одобрение ничего не добавило бы к собственным достоинствам книги, которую лучший из судей, наш общий учитель Этьен Жильсон, посчитал «магистральной». Обилие использованных текстов, из которых некоторые не опубликованы, строгость интерпретаций, сдержанность гипотез и легкость, с какой автор ориентируется, как власть имеющий, в таком множестве двусмысленных и парадоксальных формулировок, — все эти качества очевидны специалисту, но не ускользнут также ни от одного внимательного читателя. Для историков средневековой философии и мистики, как и для многочисленных друзей, они делают еще более прискорбной преждевременную утрату человека, соединявшего ум мудреца с духовным светом.

Морис де Гандийак

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Итак, вот она, наконец, лежит передо мной — эта долгожданная книга. Я был свидетелем рождения ее первоначального замысла и порой отчаивался увидеть ее доведенной до конца. Один или два раза в год ее автор приходил ко мне обсудить, как продвигается работа: по крайней мере, он-то знал точно, на каком этапе находится в данный момент, и никогда не сомневался в успешном завершении своего труда. Предмет был неподходящим для легкой беседы, что станет очевидным при чтении этой книги — прекрасной, но трудной, одно из величайших достоинств которой состоит именно в отказе от упрощения.

Помимо прочего, Владимир Лосский долго колебался, прежде чем принять те исторические и доктринальные решения, на которых он в итоге остановился. Неудивительно, что в откровенных разговорах он часто выражал те или иные сомнения, и никакой полезный совет не мог помочь ему избавиться от них. Если есть книга, обязанная всем только своему автору, это именно она. Была и еще одна, совершенно особенная причина, которая удерживала от вмешательства в это исследование. Когда Владимир Лосский говорил, его присутствие воспринималось даже сильнее, чем его слова. В нем знание нераздельно соединялось с глубокой духовностью — заражительной, исходившей не только от его речей, но от всей его личности, и ее благотворного присутствия нельзя было не почувствовать. Этот человек — столь скромный, столь простой

и добрый — словно лучился миром и покоем; быть может, тайна его заключалась в том, что он воплощал среди нас сам христианский дух и делал это так, словно в этом состояло его естественное призвание. Слушая его, собеседник часто думал не столько о том, о чем он говорил, сколько о нем самом, и это тоже препятствовало попыткам прийти ему на помощь.

Именно этому, однако, мы в значительной мере обязаны появлением сей удивительной книги о Майстере Экхарте. У тюрингского учителя было немало исследователей, в том числе превосходных. Проблема заключается не в том, чтобы найти качественную интерпретацию Майстера Экхарта, а в том, чтобы сделать выбор среди множества интерпретаций — последовательных, основанных на неопровержимых текстуальных свидетельствах и, тем не менее, порой различных вплоть до противоположности. Действительно, нет ничего проще, чем свести учение Экхарта к некой системе, базирующейся на его собственных текстах; затруднения возникают, когда, выстроив такую систему, вдруг замечают, что можно было бы построить и другую, совсем не похожую и, однако, основанную на столь же аутентичных текстах, что и предыдущая. Здесь перед нами тот случай, когда изобилие благ идет во вред.

Редчайшая заслуга этого долгого исследования в том и состоит, что оно не сводит теологию Экхарта к систематическому развертыванию какого-то одного фундаментального понятия. Но эта теология не задумывалась и как своего рода эклектика, где каждое из фундаментальных понятий занимало бы свое место и успешно выполняло бы свою функцию. Если у Экхарта и есть фундаментальное понятие, то это понятие Бога, или, вернее, понятие неизреченности Бога. Заглавие этой книги, стало быть, точно помещает ее объект в самую сердцевину учения. Но Экхарт мыслил свое дело как преимущественно

позитивное разыскание о нашем незнании божества. Последовательно испробовав все уже известные пути и пройдя каждый из них до конца, он показывает, что все, что можно с полным правом утверждать о Боге, может, а в конечном счете и должно отрицаться о Нем, чтобы дать место по видимости противоположному утверждению. Конечно, Бог есть Бытие; но не есть ли Он скорее Единое? Или Ум? Понимание того, что Бог есть каждое из этих совершенств в чистом и абсолютном смысле, казалось бы, исключаящем другие совершенства, и будет тем трансцендирующим незнанием, которое возносит Бога над любыми утверждениями.

Отсюда это многообразие поисков, выводы из которых по видимости противоречат друг другу, а стиль отражает долготерпение историка, понадобившееся ему, чтобы упорядочить поиски и поместить каждую истину на свое место, не пожертвовав ни одной из них. В самом деле, потребовались годы исследований и редкое владение собственной способностью суждения, чтобы не уступить почти непреодолимому соблазну более или менее произвольно сгруппировать в итоге всю совокупность творений Экхарта вокруг одной из позиций, которые он последовательно занимал. Только такой отказ позволил разглядеть позитивный смысл божественной трансцендентности, косвенно утверждаемой в многочисленных отрицаниях.

Именно потому, что все истинное в себе было сначала истинным в Боге, Экхарт стремился исследовать истину на всех уровнях, и это резкое расширение поля разысканий сделало неизбежным множество пересечений с некоторыми из его предшественников. В свою очередь, эти пересечения спровоцировали множество недоразумений. Действительно, если Экхарт утверждает, что Бог есть Бытие, можно ли не причислять его к томистам? А когда следом он утверждает, что Бог есть скорее

чистое Единое, нежели чистое Бытие, как не подумать, что он идет по стопам Дионисия Ареопагита? Владимиру Лосскому понадобилось немало времени, чтобы освоиться в этом лабиринте и сориентировать в нем своего читателя. Экхарт говорит языком св. Фомы, не будучи томистом, как говорит языком Дионисия, не примыкая к строгой теологии Единого. В этом нет ничего удивительного. Экхарт пришел поздно, в то время, когда схоластическое богословие уже принесло свои прекраснейшие плоды, и на любом пути не мог не натолкнуться на тех, кто его опередил. Да он и не пытался избежать этого. Напротив, он «тестирует» их доктрины, подвергая их начала своего рода испытанию на прочность, меняя одну на другую, которой предстоит подвергнуться тому же испытанию, вплоть до момента, когда ее неспособность сформулировать, что́ есть Бог, не выяснится, в свою очередь, окончательно. Таким образом, Экхарт говорит на многих языках, но всегда для того, чтобы выразить свою собственную мысль. Если историк приписывает Экхарту какой-то один язык, исключая все остальные, у него есть все шансы написать ясную и вполне удовлетворяющую разум книгу — упустив при этом ее предмет.

О том же с убедительной простотой говорит название этой книги. Экхарт не был изобретателем негативного метода в теологии: тот был завещан ему Дионисием, усердно его практиковавшим, а также отцами греческого богословия, которому по глубоко личным мотивам сам Владимир Лосский был глубоко привержен. Не пренебрегало этим методом и латинское средневековье; напротив, он занимает почетное место в теологиях св. Бернарда и св. Фомы Аквинского. Почетное — но не то же самое. То, что в томизме является последним словом и венцом учения, становится у Экхарта движущей пружиной исследования и, по существу, самой субстанцией истины,

в которой нас силится убедить теология. Читая эту книгу, было бы полезным об этом помнить, ибо невозможно судить о ней правильно, если перепутать ее объект с объектом другого исследования, посвященного совсем другому схоластическому богослову. Владимир Лосский хотел пролить свет на отказ Экхарта от любых попыток замкнуть божество в некое понятие, якобы достаточном для его определения; поэтому и от нас он ожидает смирения, которое сам практиковал с такой естественностью, и признания окончательного неведения, которое оборачивается здесь подлинным знанием. Короче говоря, он ожидает от нас бóльших отречений, нежели обещает догматических удовлетворений. Для нас, как и для него, эта деятельная аскеза ума, дисциплинирующего себя с полным сознанием дела, означает верность своему предмету. Она, несомненно, лучше всего выражает то, что естественным образом рождало в душе Владимира Лосского ответ на аскезу Майстера Экхарта. Глубинное родство привело Владимира Лосского к учителю из Тюрингии — разумеется, не для того, чтобы всегда с ним соглашаться, но чтобы, по крайней мере, предложить ему духовную симпатию, перед которой доктрины в итоге только и раскрывают свои тайны. Если бы нечто могло по-человечески утешить нас в потере нашего друга, мы вернее всего нашли бы утешение в этой книге. Он вложил в нее столько от самого себя, от самой глубины себя, что благотворность его присутствия уже не может оказаться для нас полностью утраченной.

Этьен Жильсон,
Французская академия